УДК 338.28

Андрей СУШЕНЦОВ,

Дмитрий ОФИЦЕРОВ-БЕЛЬСКИЙ

ИНСТРУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ

Аннотация. В статье рассмотрено развитие экономических взаимосвязей России с постсоветскими государствами Восточной Европы, отношения с которыми являются приоритетными для ЕС (страны Восточного партнёрства). Анализируется использование Россией экономических инструментов с целью реализации политических интересов. Сделан вывод о том, что с середины 2000-х гг. в российской стратегии политика стала доминировать над экономикой и отношения взаимозависимости с постсоветскими государствами Восточной Европы стали разрываться в ситуации политических разногласий. Представлены основные узлы противоречий в экономических связях с Грузией, Беларусью, Молдовой и Украиной. Прослеживается переход России от политики имитации единства бывших советских республик к реалистической стратегии.

Ключевые слова: Россия, Восточное партнёрство, Украина, Беларусь, Молдова, экономика, взаимозависимость.

С распадом социалистического лагеря в 1989–1991 гг. и крахом СССР ключевым процессом в европейской части постсоветского пространства стало разложение прежнего единства и встраивание в орбиту нового центра гравитации – Западной Европы и США. В 2009 г. европейские и кавказские страны постсоветского

© **Сушенцов Андрей Андреевич** – кандидат политических наук, директор Института международных исследований МГИМО МИД России, директор Научного центра (лаборатории) анализа международных процессов МГИМО МИД России. **Адрес:** Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76. **E-mail:** a.sushentsov@inno.mgimo.ru

Офицеров-Бельский Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. **Адрес:** Россия, Москва, GSP-7, Профсоюзная ул., 23. **E-mail:** DmitryBelskiy@gmail.com

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.0002).

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019139149>

пространства – Беларусь, Молдова, Украина, Азербайджан, Армения и Грузия – стали участницами Восточного партнёрства, новейшей интеграционной инициативы ЕС. Россия ожидала другого: совместной с Западом работы по реорганизации европейского пространства с целью создания инклюзивной политической системы и потому оказалась на периферии процесса европейской интеграции, а с определенного момента стала рассматриваться и как угроза ему.

Взаимозависимость и политика дистанцирования

Анализ отношений России и стран Восточного партнёрства представляется трудным без понимания широкого контекста взаимодействия России и Запада. Далее мы кратко рассмотрим основные направления, в рамках которых анализируется политическое *pas de deux* контрагентов.

Литературу можно условно разделить на два блока: реалистский, рассматривающий политику Москвы с точки зрения анализа ее национальных интересов, и критический, описывающий действия России как агрессивное проявление имперских амбиций.

В рамках первого направления авторы видят сложный комплекс стратегических целей Москвы, в первую очередь защиту национальной безопасности [Богатуров, 2007; Tsygankov, 2015; Graham, 2010]. Реалисты рассматривают процессы в Восточной Европе через призму отношений России и ЕС и говорят о реактивной политике Москвы в ответ на стратегию Запада, стремящегося утвердить свой порядок в регионе [Mearsheimer, 2014; Караганов, 2014]. Многие авторы настаивают на том, что Европейский Союз изначально не был готов к равноправному сотрудничеству с Москвой и относился к России как к ученику [Prozorgov, 2006].

В критическом направлении некоторые авторы рассматривают политику России как продолжение имперского доминирования [Умланд, 2018; Snyder, 2015], другие указывают на российский ревизионизм как основной мотив политики Москвы [Allison, 2017; Sakwa, 2019].

Анализируя политику России непосредственно в Восточной Европе авторы подчеркивают, как правило, несколько форматов взаимодействия. Часть исследователей говорит об использовании Россией экономической взаимозависимости для продвижения авторитарных форм управления [Tolstrup, 2015; Ambrosio, 2016], а также проекции жесткой и мягкой силы на постсоветском пространстве [Bohomolov, 2012; Laguelle, 2015]. Многие авторы рассматривают отношения России и ЕС со странами Восточной Европы в ценностно-ориентированном русле, акцентируя внимание на вопросах идентичности и демократических ценностей [Prozorgov, 2006]. Напротив, в работах российских исследователей проблема взаимоотношений в треугольнике Россия-ЕС-Восточная Европа рассматривается в контексте политических [Болгова, 2016, 2017; Сергунин, 2010; Девятков, 2017; Борко, 2015; Данилов, 2017; Шишкина, 2011] и экономических интересов [Буторина, 2016, 2017; Вардомский, 2017; Косикова, 2014; Глинкина, 2013, 2015].

С первых лет независимости идея сохранения экономических связей с Россией благожелательно воспринималась новыми независимыми государствами, даже там, где к власти пришли националистические правительства. Однако ослабление эко-

номических связей всё же произошло [Болгова, 2017]. Ключевой причиной стало отсутствие инвестиционного капитала, сокращение взаимной торговли вследствие падения спроса и предложения. Эти деструктивные процессы дополнялись политической непредсказуемостью, взлетом преступности и коррупции, неготовностью экономических субъектов к работе в новых правовых пространствах. Когда в конце 1990-х годов спад сменился ростом, и рынки постсоветских стран вновь стали представлять взаимный интерес, для поиска адекватных решений не было ни собственных идей, ни подходящего образца [Libman, 2011].

Формирование региональных коммуникаций и структур часто имеет в своей основе соперничество великих держав. Оно создает импульс для установления правил игры и способствует выборочному приоритетному партнерству. Для США и Европы в сотрудничестве на постсоветском пространстве приоритетными всегда были отношения со странами его европейской части, включая Закавказье, – теми, что входят на сегодняшний день в Восточное партнерство ЕС. Активизация европейской политики на этом направлении стала заметна к концу 1990-х годов, когда на постсоветском пространстве созрел запрос на интеграцию, а в НАТО и ЕС были приняты окончательные решения о расширении на восток. К этому времени вопрос формирования предсказуемого и управляемого соседства ЕС на постсоветском пространстве приобрел актуальность, а отношения с Россией продолжали неуклонно ухудшаться [Данилов, 2017]. Соглашение о первом (не считая СНГ) интеграционном образовании на постсоветском пространстве – ГУАМ – было подписано в Страсбурге, а наиболее важным документом организации стала Вашингтонская декларация, обозначившая нацеленность ее членов на интеграцию в евроатлантические структуры¹. Вопросы экономического плана всегда находились в центре обсуждений на саммитах организации. Прежде всего – это проблемы энергетической безопасности, транзитного потенциала участников и ослабления экономической зависимости от России. В Москве организацию рассматривали как политическую и направленную на ослабление ее влияния в регионе.

Наиболее серьезные проблемы российской политики на постсоветском пространстве проистекали из того, что в 1990-е годы соответствующие задачи и подходы не были сформулированы. Парадоксально, но причиной этого стал высокий уровень взаимозависимости — невозможно было вписать всё разнообразие интересов в единые установленные рамки. Частные интересы были столь многочисленны, что приходилось разделять экономику и политику. В 2000-е годы российское руководство принялось увязывать экономику и политику, но последняя стала доминировать.

Высокий уровень связанности и очевидное превосходство России в объеме экономики над соседями должны были конвертироваться во влияние. Однако политики постсоветских стран старались уравновесить этот факт, сохраняя дистанцию в отношениях с Россией, избегая широкого проникновения инвестиций и пытаясь диверсифицировать внешнюю торговлю прежде всего за счет стран ЕС [Данилов, 2018].

¹ Соглашение об образовании ГУАМ. URL: <http://guam-organization.org/ustav-organizatsii-zademokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitiie-guam>; Вашингтонская декларация ГУАМ. URL: <http://guam-organization.org/zayavlenie-prezidentov-azerbajdzhanskoj-respubliki-gruzii-respubliki-moldova-ukrainy-i-respubliki-uzbekistan>.

Возвращение к реализму

Экономическое взаимодействие на постсоветском пространстве нередко и вполне оправданно описывается в терминах политического противостояния [Маркедонов, 2017]. Промежуточное положение восточноевропейских стран между евроатлантическим миром и Россией делает их или пространством для сотрудничества, или территорией конкуренции между двумя центрами силы. Пример Украины, стоявшей перед дилеммой выбора между присоединением к Таможенному Союзу ЕврАзЭС и Соглашением об ассоциации с ЕС, показателен. Стороны не смогли прийти к компромиссу, что привело в 2013 г. к внутреннему расколу и целому комплексу международных проблем в дальнейшем [Украина после Евромайдана].

Отношения России и ЕС в регионе окончательно перешли в русло соперничества уже в середине прошлого десятилетия. Стороны последовательно провоцировали друг друга на ответные шаги. В ответ на расширение НАТО и на подготовку к расширению ЕС, в 2001 г. было создано ЕврАзЭС, в 2002 г. – ОДКБ, а в ответ на “цветные революции” ускорен интеграционный процесс, и в 2006 г. подписано соглашение о Таможенном союзе ЕврАзЭС [Кондратьева, 2015]. Предложенная в мае 2008 г. польским министром иностранных дел Р. Сикорским концепция Восточного партнёрства ЕС получила мощный дополнительный импульс после грузино-югоосетинского конфликта в августе 2008 года [Данилов, 2018].

К этому времени экономическое давление в ответ на недружественную политику со стороны бывших постсоветских стран стало новым инструментом российской политики. Наиболее чувствительными для постсоветских республик вопросами традиционно были денежные переводы мигрантов на родину, экспорт в Россию и проблемы энергетики.

В 2006 г. в ответ на серию политических провокаций Россия предприняла демонстративную попытку давления на Грузию через грузинскую диаспору: из России было выдворено около двух тысяч грузинских граждан при общем количестве грузинских нелегалов около 1 миллиона человек. Потенциал грузинской диаспоры как источника поступления финансов всегда был значительным [Тимофеев, 2017]. В 2006 г. львиная доля средств в Грузию шла из России, но вследствие наступившего вскоре экономического кризиса объём переводов и доля России существенно сократились. В феврале 2019 г. из России в Грузию перечислили более 31,6 млн. долл., что составило только 25,2% от общего объёма переводов, тогда как совокупно из ЕС объём переводов составил 41,9 млн долл., что составляло 33,4%¹. Следовало бы также учесть высокие объёмы физического вывоза наличных средств из России в Грузию, что могло бы несколько скорректировать цифры. Сопоставимые объёмы получаемых денежных средств и долю России демонстрировала в 2019 г. Молдова. Это позволяет говорить, что для наиболее зависимых от данного источника стран Восточного партнёрства государства ЕС уже представляют собой сложившуюся альтернативу².

¹ National Bank of Georgia. Money Transfer Data. URL: <https://www.nbg.gov.ge/index.php?m=340&newsid=3613&lng=eng>

² Официальная статистика: больше всего денежных переводов поступило в Молдову из России. Sputnik. 31.08.2018. URL: <https://ru.sputnik.md/economics/20180831/21577130/moldova-russia-denejnyj-perevod.html>

Помимо этого, Грузия и Молдова в некоторых отраслях были крайне зависимы от экспорта в Россию, куда направлялось около 80% производимых в них вин. Реагируя на недружественную политику Тбилиси и Кишинева, в марте 2006 г. Россия запретила ввоз вин из Грузии и Молдовы, используя санитарные основания [Тимофеев, 2017]. Политический характер противостояния хорошо осознавался всеми сторонами кризиса. Занимавший в тот момент пост министра обороны Польши Р. Сикорский заявил, что всеми силами будет популяризировать грузинские вина и минеральную воду, хотя эта сфера не находилась в его компетенции.

Российские ограничения на импорт вин из Молдавии продолжались до осени 2006 г., а в отношении Грузии – до весны 2013 г. (осенью 2012 г. в результате парламентских выборов от власти был отстранен М. Саакашвили). Оценивая ограничительные меры российского руководства, можно отметить, что они не были продуктивными с точки зрения политического давления, но заметно снижали уровень взаимной экономической заинтересованности и лояльности грузинской и молдавской бизнес-среды идее развития сотрудничества с Россией.

Примечательно, что Россия крайне редко использовала в политических целях в Восточной Европе долговой инструмент, хотя регулярно прощала долги странам Центральной Азии [Тимофеев, 2017]. Вместо этого были широко распространены торговые преференции и скрытые механизмы субсидирования. Они были особенно удобны тем, что позволяли гибко варьировать степень поддержки, неформально и выборочно связывать с российскими интересами крупных экономических игроков и представителей элиты.

В последние годы Россия постепенно отходит от такой практики, что очень хорошо заметно на примере взаимоотношений с Беларусью [Россия и Белоруссия]. Москва не торопится расширять кредитную линию для Минска без гарантий развития интеграции. Между сторонами до сих пор не прояснен вопрос о российском “налоговом маневре”, который должен привести к удорожанию нефти для Беларуси, что скажется на себестоимости многих производств и на рентабельности нефтеперерабатывающих мощностей концерна “Белнефтехим”. Также к вопросам, где взаимопонимания стало меньше, следует отнести ввоз в Россию через Беларусь санкционных и подакцизных товаров с нарушениями таможенного режима между странами. Публичные заявления первого вице-премьера А. Силуанова о нарушениях с белорусской стороны и потере доверия к Минску правильнее воспринимать не как попытку обратить внимание на эту проблему, а как прозрачный намек на невозможность принципиального изменения логики взаимоотношений¹.

Трения в отношениях с Россией побуждают Минск искать дополнительные источники заимствований. В ноябре 2018 г. Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) впервые подписал соглашение о предоставлении кредитов Беларуси на сумму около 160 млн евро, которые были направлены на социальную и экономическую инфраструктуру, развитие частного сектора и экологическую сферу². В марте

¹ Силуанов заявил об утрате доверия к Белоруссии. РБК. 28.12.2018. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/12/2018/5c22072f9a794722a5cbbb3c>. с

² ЕИБ впервые предоставляет поддержку Беларуси – на развитие инфраструктуры водоснабжения и частного сектора. Представительство ЕС в Беларуси. 21.11.2018. URL:

2019 г. стало известно о займе у Международного банка реконструкции и развития на сумму 90 миллионов евро на модернизацию системы образования¹.

Существенное отличие заимствований, которые Беларусь получает от России и от своих западных партнеров, заключается в том, что последние имеют адресный характер и приводят к системным эффектам, усиливающим взаимозависимость в различных аспектах, тогда как российские кредиты и скрытые субсидии в основном позволяют закрывать бреши в бюджете ближайшего партнера. В политическом отношении это означает, что европейские партнеры Беларуси в данном аспекте сохраняют “свободу рук” в определении точек приложения капитала, определяют сферы и конкретных контрагентов во власти, с которыми будут взаимодействовать в соответствии с собственными интересами, тогда как реализация российских интересов оказывается замкнута на существующую в стране-реципиенте властную иерархию.

Характерным примером, демонстрирующим европейское видение отношений с постсоветскими странами, стало решение Еврокомиссии в 2018 г. придать новый импульс Восточному партнерству. Были разработаны порядка 20 проектов, наиболее значительным из которых стал инвестиционный план развития транспортной системы в странах партнерства стоимостью в 12,8 млрд евро (в его создании помимо Еврокомиссии участвовал Всемирный банк)². Целью является присоединение стран партнерства к Трансевропейской транспортной сети (TEN-T) – системе транспортных коридоров, призванной устранить пробелы в сообщении между странами внутри Евросоюза и на его границах. План предполагает строительство новых автомобильных дорог и железнодорожных путей общей протяженностью почти 5 тыс. километров, морских и речных портов, аэропортов, логистических центров. Из 12,8 млрд евро 4,5 млрд будет выделено Украине, 3,5 млрд – Грузии, 1,2 млрд – Беларуси [Буторина, 2017]. Россия могла бы только приветствовать данную инициативу, если бы отношения с ЕС на постсоветском пространстве развивались в духе сотрудничества, однако ситуация близка к геополитическому “разрыву”. По верному замечанию белорусского исследователя Е. Прейгермана, развитие инфраструктурной связности может стимулировать государства к большей совместимости, которая в конечном счете должна помочь договориться о правилах игры, закрепить стабильность и безопасность³. Впрочем, ресурс инфраструктурной связности сам по себе не гарантирует политической гармонии. В противном случае России бы не пришлось вновь заниматься оборудованием российско-украинской границы и строительством железной дороги в обход Украины.

https://eeas.europa.eu/delegations/belarus/54193/еиб-впервые-предоставляет-поддержку-беларуси-на-развитие-инфраструктуры-водоснабжения-и_ru

¹ Беларусь получит кредит от МБРР на модернизацию системы образования. Белорусский политринг. 29.03.2019. URL: <https://politring.com/country/25584-belarus-poluchit-kredit-ot-mbr-r-na-modernizaciyu-sistemy-obrazovaniya.html>

² На что ЕС выделит странам “Восточного партнерства” около 10 млрд евро, см. подробнее: [https://www.dw.com/ru/на-что-ес-выделит-странам-восточного-партнерства-около-10-млрд-евро/a-47467631].

³ Прейгерман Е. Инфраструктурная связность и политическая стабильность в Евразии. Россия в глобальной политике. 24.05.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Infrastrukturnaya-svyaznost-i-politicheskaya-stabilnost-v-Evrazii-19570>

“Прагматизация” экономических отношений России с Украиной

Украина является особым примером недостаточно эффективной политики Москвы на постсоветском пространстве [Тимофеев, 2017; Украина после Евромайдана]. Во многом это связано с поздней расстановкой стратегических приоритетов, которая задержалась вплоть до «оранжевой революции». Инструмент скрытого субсидирования соседней страны на протяжении длительного времени обеспечивал принятие важных решений и персональную лояльность политиков, но не гарантировал стратегический успех. В первую очередь этот механизм работал через ценообразование в газовых поставках. Вплоть до 2006 г. стоимость российского газа для Украины была предельно низкой – 40–50 долл. за 1 тыс. куб. м., а объемы поставленного сырья превышали поставки Газпрома в Германию и Италию вместе взятые. По российским оценкам в 1991–2013 гг. за счёт низких цен на газ Украина сэкономила более 82,7 млрд долл. [Медведев, 2014]. Тем не менее, постоянно росла украинская задолженность перед Газпромом, и возникала почва для кризисов газового транзита в ЕС в 2006 и 2009 гг. В совокупности путём скидок на газ, займов, размещения заказов и преференциального торгового режима в ущерб российскому производителю Москва ежегодно дотировала украинскую экономику в размере 10–12 млрд долл. [Медведев, 2014].

После переворота в Киеве и обострения отношений с Москвой, экономическая составляющая двусторонних отношений стала стремительно сокращаться. Российскому бизнесу становится все более некомфортно на Украине, особенно с 2017 г., когда своё присутствие на Украине прекратили Роснефть и Лукойл, а украинские дочерние структуры Сбербанка стали подвергаться систематическим атакам националистов. В конце 2018 г. у трёх банков с российским государственным участием были отозваны лицензии, и на март 2019 г. в стране продолжают работать только два из них – Проминвестбанк и Сбербанк, на акции их дочерних структур с сентября 2018 г. на Украине был наложен арест¹.

Несмотря на то, что российские банки занимали узкий сегмент украинского банковского рынка, именно через них до последнего времени шел ключевой поток зарубежных инвестиций. В 2018 г. Россия вернула себе первое место в списке крупнейших инвесторов в экономику Украины, оставив позади себя Кипр и Нидерланды. Однако большую часть этих инвестиций представляла собой докапитализация дочерних структур российских банков с целью спасти их от банкротства (дочерние структуры ВТБ все же были признаны неплатежеспособными). Сокращение российского присутствия заметно во всех сферах украинской экономики. Исключение составляет телекоммуникационный рынок: проведя ребрендинг и сменив юрисдикцию на европейскую, в стране продолжают работать дочерние структуры Вымпелкома и МТС.

До начала кризиса 2014 г. Россия была первым по значимости торговым партнером Украины (27,3%), уступая только несколько процентов совокупному товарообороту с ЕС (31,2%). В 2018 году экспорт Украины в страны ЕС составил 40,3% от

¹ Атака на “Сбербанк”, ВТБ и ПИБ: начало масштабной войны против российского бизнеса в Украине. Украина.ру. 12.09.2018. URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20180912/1021113569.html>

валового экспорта, а доля европейского импорта поднялась до 41,76%¹. При этом доля товарного экспорта в Россию в 2018 году составила от общих объемов всего 7,8%, а импорт – 14,23%². Хотя в 2017-2018 годах отмечался рост товарооборота между Россией и Украиной в денежном выражении, в физическом выражении произошло его дальнейшее сокращение в соответствии с многолетней динамикой, которая в ближайшие годы, по всей видимости, будет продолжена.

Заключение

Проблемы российской политики в Восточной Европе проистекали из высокого уровня взаимозависимости, который страны региона унаследовали от единого хозяйственного комплекса СССР. Все разнообразие взаимосвязанных интересов оказалось невозможно вписать в рамки отношений независимых государств, не пожертвовав значимыми политическими или экономическими приоритетами. Дилемму взаимозависимости с Россией каждая страна региона решала по-своему: кто-то шел на разрыв, другие – постепенно разделяли экономику и политику.

С середины 2000-х гг. в российской стратегии появился очевидный комплекс целей и приоритетов в отношении стран Восточной Европы – экономическая взаимосвязанность была подчинена политической целесообразности и стала выступать инструментом политики. К этому времени экономическое давление в ответ на недружественную политику соседей стало новым инструментом российской стратегии. Наиболее чувствительными для постсоветских республик традиционно были денежные переводы мигрантов на родину, товарный экспорт в Россию и вопросы энергетики. Однако практика показала, что если использование инструмента давления имело ситуативный эффект, в системном плане оно разрушительно действовало на комплексную взаимозависимость на постсоветском пространстве, тем самым ослабляя внешнеполитический потенциал России в будущем.

Список литературы.

- Богатуров, А.Д. (2007). Три поколения внешнеполитических доктрин России. *Международные процессы*, 5(13), 54-69.
- Болгова, И. В. (2017). Политика России на постсоветском пространстве: циклы и лабиринты *Материалы РСМД. Эволюция постсоветского пространства: прошлое настоящее будущее*, сс. 88-93.
- Болгова, И.В. (2016) Восточное Партнерство: неоднозначные результаты, *Современная Европа*, 5 (2), с. 63-71.
- Борко, Ю. А. (2015). Европейский Союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы, *Современная Европа*, (3), 7, с. 35-47.
- Буторина, О. В. (2016). Особенности евразийской модели экономической интеграции. *Современная Европа*, (2), с. 28-32.
- Буторина, О. В., Кавешников, Н. Ю., Стрежнева, М. В., Цибулина, А. Н., Абрамова, М. Г., Александров, О. Б., Завьялова, Е. Б. (2017). *Европейская интеграция: учебник*. М.: Издательский Дом “Деловая литература”, 720 с.
- Вардомский, Л. Б., Пылин, А. Г., & Шурубович, А. В. (2016). Сотрудничество России и стран СНГ в контексте модернизации национальных экономик. *Белорусский экономический журнал*, (4), с. 4-16.
- Глинкина С. (2013) Конкуренция интеграционных проектов на постсоветском пространстве. *Проблемы теории и практики управления*. (12), с. 65–79

¹ Рассчитано на основе данных Государственной службы статистики Украины. См. подробнее: [<http://www.ukrstat.gov.ua/express/expr2019/02/17.pdf>]

² Географічна структура зовнішньої торгівлі товарами у січні–листопаді 2018 року. Укрстат. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2018/zd/ztt/ztt_u/ztt1118_u.htm

- Глинкина С. П., Куликова Н. В. (2015) Страны Центрально-Восточной Европы в Европейском Союзе: состоится ли конвергенция? *Белорусский экономический журнал*. №.2. с. 24–32.
- Головин М.Ю. (2014) Влияние экономической динамики стран-соседей России на российскую экономику. Научный доклад под ред. д.э.н. М.Ю. Головина / М. Ю. Головин, Д. И. Ушкалова, Д. И. Кондратов и др. *Институт экономики РАН Москва*, 93 с.
- Громыко А. А. (2015). Большая Европа в паутине украинского кризиса. *Мировая экономика и международные отношения*, (7), 118-122.
- Данилов Д.А. (2017) Глобальная стратегия ЕС: Восточный Вектор, *Современная Европа*, №.1, с. 10-21.
- Данилов Д.А. (2018) ЕС - Россия: возможности и препятствия сотрудничества в сфере безопасности. *Европейская аналитика*, с. 46-55.
- Данилов Д. А., Мироненко В. И. (2017). Европейская безопасность: в поиске совместных ответов на угрозы и вызовы. *Современная Европа*, (1), 155-156.
- Девятков А. В. (2017) Молдова между европейским и постсоветским проектами интеграции, *Мир перемен*. №. 2. с. 161-174.
- Караганов С. (2014) Предварительные итоги. *Россия в глобальной политике*. По адресу: <https://globalaffairs.ru/pubcol/2014-Predvaritelnye-itogi-17154>
- Кондратьева Н. Б. (2015). ЕАЭС-ЕС: интеграция интеграций на горизонте. *Современная Европа*, (4), 147-148.
- Маркедонов С. М. (2017). Постсоветское пространство: распад или сохранение?. *Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение"*, (2 (8)).
- Медведев Д.А. (2014) Россия и Украина: жизнь по новым правилам. *Независимая газета*. По адресу: http://www.ng.ru/ideas/2014-12-15/1_medvedev.html
- Мотыль А. (2014) Истоки поведения России. *Россия в глобальной политике*. По адресу: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Istoki-povedeniya-Rossii-17151>
- Россия и Белоруссия: "постсоветская модель" взаимодействия исчерпывается. *РСМД*. По адресу: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-belorussiya-postsovetskaya-model-vzaimodeystviya-ischerpyvaetsya/>
- Рябов А. В. (2016). Южный Кавказ в "системе трех морей": внешние угрозы и внутренние вызовы. *Мировая экономика и международные отношения*, 60(10), 91-106.
- Сергунин А. А. (2010) "Восточное партнерство": вызов российской дипломатии в Восточной Европе. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. (1), с. 28-36
- Тимофеев И. Н., Махмутов Т. А., Хаспекова, Д. М. (2017). *Эволюция постсоветского пространства: прошлое настоящее будущее*. 382 с.
- Украина после Евромайдана. Пять лет кризиса и надежд. *РСМД*. По адресу: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/ukraina-posle-evromaydana-pyat-let-krizisa-i-nadezhd/>
- Умланд А. (2018) Реставрационный и революционный империализм в политическом дискурсе сегодняшней России: сдвиг постсоветского идеологического спектра вправо и антизападный поворот Кремля. *ГЕФТЕР*. По адресу: <http://gefter.ru/archive/23930>
- Шишкина О. В. (2011) Внешнеполитические ресурсы России и ЕС на пространстве "Общего соседства": сравнительный анализ. *Вестник МГИМО Университета*. №. 1. С. 56-61.

References

- Bogaturov, A. D. (2007) Tri pokoleniya vneshnepoliticheskikh doktrin Rossii. *Mezhdunarodnye protsessy* 5(13), pp. 54-69.
- Bohomolov, O., & Lytvynenko, O. V. (2012). *A ghost in the mirror: Russian soft power in Ukraine*. London: Chatham House.
- Bolgova, I. V. (2017). Politika Rossii na postsovetskom prostranstve: cikly i labirinty. *Materialy RSMD. Evolyuciya postsovetskogo prostranstva: proshloe nastoyashchee budushchee*, pp. 88-93.
- Bolgova, I.V. (2016) Vostochnoe Partnerstvo neodnoznachnye rezultaty. *Sovremennaya Evropa* 5 (2), pp.63-71.
- Borko, Y.U. (2015) Evropejskij Soyuz v XXI veke tekushchie dela i fundamentalnye problem. *Sovremennaya Evropa* 3 (7), pp.35-47.
- Butorina, O. V. (2016) Osobennosti evrazijskoj modeli ekonomicheskoy integratsii. *Sovremennaya Evropa*, №2, pp.28 – 32.

- Butorina, O. V., Kaveshnikov, N. YU., Strezhneva, M. V., Cibulina, A. N., Abramova, M. G., Aleksandrov, O. B., Zav'yalova, E. B. (2017). *Evropejskaya integraciya: uchebnik*. M.: Izdatel'skij Dom "Delovaya literature", 720 P.
- Danilov, D.A. (2018) ES - Rossiya: vozmozhnosti i prepyatstviya sotrudnichestva v sfere bezopasnosti. *Evropejskaya analitika*, pp. 46-55.
- Danilov, D. (2017) EU-Russia Relations in the Post-Soviet Space. *The EU Global Strategy: Implications for Russia*. URL: [http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/EU-Global-Strategy\(IERAS-Egmont\).pdf](http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/EU-Global-Strategy(IERAS-Egmont).pdf)
- Danilov, D. A. (2017) Globalnaya strategiya ES: Vostochnyj Vektor. *Sovremennaya Evropa*, №1, pp. 10-21.
- Danilov, D. A., Mironenko, V. I. (2017). Evropejskaya bezopasnost': v poiske sovmestnyh otvetov na ugrozy i vyzovy. *Sovremennaya Evropa*, (1), pp. 155-156.
- Devyatkov, A. V. (2017) Moldova mezhdu evropejskim i postsovetskim proektami integratsii. *Mir peremen*, №2, pp. 161-174.
- Glinkina, S. (2013) Konkurentsia integratsionnyh proektov na postsovetskom prostranstve. *Zhurnal Problemy teorii i praktiki upravleniya*, №12, pp. 65-79.
- Glinkina, S., Kulikova, N. V. (2015) Strany Tsentralno Vostochnoj Evropy v Evropejskom Soyuze. Sostoitsya li konvergentsiya. *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal*, №2, pp. 24-32.
- Golovin, M. Yu. Vliyanie ekonomicheskoy dinamiki stran sosedej Rossii na rossijskuyu ekonomiku. *Institut ekonomiki RAN*. Moskva, 2014, 93 p.
- Gromyko, A. A. (2015). Bol'shaya Evropa v pautine ukrainskogo krizisa. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (7), pp. 118-122.
- Karaganov, S. (2014) Predvaritelnye itogi. *Rossiya v globalnoj politike*. URL.: <https://globalaffairs.ru/pubcol/2014-Predvaritelnye-itogi-17154>
- Kondrat'eva, N. B. (2015). EAES-ES: integraciya integracij na gorizonte. *Sovremennaya Evropa*, (4), pp. 147-148.
- Markedonov, S. M. (2017). Postsovetskoe prostranstvo: raspad ili sohranenie?. *Vestnik RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie"*, (2 (8)).
- Medvedev, D. A. (2014) Rossiya i Ukraina zhizn po novym pravilam. *Nezavisimaya gazeta*. URL.: http://www.ng.ru/ideas/2014-12-15/1_medvedev.html
- Ryabov, A. V. (2016). YUzhnyj Kavkaz v "sisteme trekh morej": vneshnie ugrozy i vnutrennie vyzovy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 60(10), pp. 91-106.
- Sergunin, A. A. (2010) Vostochnoe partnerstvo vyzov rossijskoj diplomatii v Vostochnoj Evrope. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, №1, pp. 28-36.
- Shishkina, O. V. (2011) Vneshnepoliticheskie resursy Rossii i ES na prostranstve. Obschego sosedstva: sravnitelnyj analiz. *Vestnik MGIMO Universiteta*, №1, pp. 56-61.
- Timofeev, I. N., Mahmutov, T. A., Haspekova, D. M. (2017). *Evoluciya postsovetskogo prostranstva: proshloe nastoyashchee budushchee*. 382 p.
- Torbakov, I. (2013). The European Union, Russia, and the 'In-between Europe': Managing Interdependence. *The European Union Neighbourhood: Challenges and Opportunities*, pp. 173-190.
- Tsygankov, A. (2015). Vladimir Putin's last stand: the sources of Russia's Ukraine policy. *Post-Soviet Affairs*, 31(4), pp. 279-303.
- Vardomskij, L. B., Pylin, A. G., Shurubovich, A. V. (2016) Sotrudnichestvo Rossii i stran SNG v kontekste modernizatsii natsionalnyh ekonomik. *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal*, №4, pp. 4-16.
- Ademmer, E. (2017). *Russia's Impact on EU Policy Transfer to the Post-Soviet Space*. London: Routledge.
- Allison, R. (2017). Russia and the post-2014 international legal order: revisionism and realpolitik *International affairs*, 93(3), pp. 519-543.
- Ambrosio, T. (2016). *Authoritarian backlash: Russian resistance to democratization in the former Soviet Union*. Routledge.
- Balmaceda, M. M. (2013). *The politics of energy dependency: Ukraine, Belarus, and Lithuania between domestic oligarchs and Russian pressure*. University of Toronto Press.
- Bentzen, N. (2015). Ukraine's Economic Challenges: From Ailing to Failing?, *European Parliamentary Research Service*.
- Delcour, L. (2017). Competition in policy and institutional transfer: the EU and Russia in the 'contested neighbourhood'. In *Public Policy Transfer*. Edward Elgar Publishing.

- Dragneva, R., Wolczuk, K. (2012). Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, stagnation or rivalry? *Chatham House Briefing Paper REP BP, 1*.
- Graham, T. (2010). The sources of Russia's insecurity. *Survival*, 52(1), pp. 55-74.
- Laruelle, M. (2015). The Russian World. Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. *Center on Global Interests*, pp. 1-19.
- Libman, A., Vinokurov, E. (2012). Regional integration and economic convergence in the Post-Soviet space: Experience of the decade of growth *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 50(1), pp. 112-128.
- Maness, R. C., Valeriano, B. (2015). Russian Coercive Energy Diplomacy in the Former Soviet Union. In *Russia's Coercive Diplomacy* (pp. 108-137). Palgrave Macmillan, London.
- Mearsheimer, J. J. (2014). Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin. *Foreign Affairs*, 93, (77).
- Motyl, A. (2014) Istoki povedeniya Rossii. *Rossiya v globalnoj politike*. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Istoki-povedeniya-Rossii-17151>
- Prozorov, S. (2006). Understanding Conflict between Russia and the EU. *The Limits of Integration*. Basingstoke.
- Rossiya i Belorussiya: "postsovetskaya model'" vzaimodeystviya ischerpyvaetsya. *RSMD*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-belorussiya-postsovetskaya-model-vzaimodeystviya-ischerpyvaetsya/>
- Sakwa, R. (2015). Russian neo-revisionism and dilemmas of Eurasian integration. In *Power, politics and confrontation in Eurasia* (pp. 111-134). Palgrave Macmillan, London.
- Snyder, T. (2015). Integration and disintegration: Europe, Ukraine, and the world. *Slavic Review*, 74(4), pp. 695-707.
- Talseth, L. C. U. (2017). *The Politics of Power: EU-Russia Energy Relations in the 21st Century*. Springer.
- Tolstrup, J. (2015). Black knights and elections in authoritarian regimes: Why and how Russia supports authoritarian incumbents in post-Soviet states. *European Journal of Political Research*, 54(4), pp. 673-690.
- Ukraina posle Evromajdana. Pyat' let krizisa i nadezhd. *RSMD*. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/ukraina-posle-evromajdana-pyat-let-krizisa-i-nadezhd/>
- Umland, A. (2018) Restavratsionnyj i revolyutsionnyj imperializm v politicheskom diskurse segodnyashnej Rossii: sdvig postsovetskogo ideologicheskogo spektra vpravo i antizapadnyj povorot Kremlya. *GEFTER*. URL: <http://gefter.ru/archive/23930>
- Vatansever, A. (2017). Is Russia building too many pipelines? Explaining Russia's oil and gas export strategy. *Energy Policy*, 108(4), pp. 1-11.
- Wolczuk, K., Delcour, L., & Ademmer, E. (2016). Beyond geopolitics: Exploring the impact of the EU and Russia in the "contested neighborhood". *Eurasian Geography and Economics*, 57(1), pp. 1-18.

Instruments of Russian political strategy in Eastern Europe: economic interdependence

Authors: Sushentsov, A., Candidate of Sciences (Political Science). Director of the Institute of International Studies of MGIMO University, Director of the Research Center (laboratory) for Analysis of International Processes of MGIMO University. a.sushentsov@inno.mgimo.ru. Moscow, Prospekt Vernadskogo, 76.

Ofitserov-Belskiy, D., Candidate of Sciences (History). Senior researcher at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS. DmitriyBelskiy@gmail.com. Moscow, GSP-7, Profsoyuznaya str., 23.

Abstract. The following paper evaluates economic interrelations between Russia and the post-Soviet member-states of the EU 'The Eastern Partnership' initiative. The study thoroughly examines the *problématique* of Russia's economic relations with the post-Soviet countries and one's impact on Russian political relations with these states. The authors explore the transition of Russian foreign policy from the imitation of unity to the employment of the strategy of pragmatic calculation. The issues of contradictions within the milieu of economic interrelations between Russia and Georgia, Belorussia, Moldova, and Ukraine are analyzed. The conclusion is that from the mid-2000s political issues have outweighed economic facets of Russian politics in the region and the ties with the post-Soviet countries in Eastern Europe, which were valued previously, are now severed due to political clashes.

Key words: Russia, the Eastern partnership, Ukraine, Belarus, Moldova, economy, interdependence.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019139149>